

ЛЕТ ДЕСЯТЬ назад я смотрел в театре им. В. Маяковского спектакль «Аристократы». Он был, как говорится, уже «сходящий» — шел очень редко. Помню, я был в восторге от этого спектакля и особенно от артиста, игравшего «короля» уголовников на строительстве Беломорско-Балтийского канала — Костю-Капитана. Ах как замечательно он произносил фразу: «Папаша, из вас ликер потечет!», обращаясь к лысому и несчастному инженеру...

Потом я увидел Александра Лазарева в роли капитана Жадова — одной из немногих удачных, на мой взгляд, актерских работ в тягостно-многосерийном фильме «Хождение по мукам»...

Героини Светланы Немоляевой в комедиях Эльдара Рязанова раздражали меня. Нарочито несчастные, плаксивые и брошенные женщины, конечно, особенной симпатии вызывать не могут. Но как-то в одном из интервью Светлана Владимировна сказала: «...Почему-то меня отождествляют с моими героинями и думают, что женщина я несчастная и характер у меня скандальный. А это вовсе не так». И сразу стало немного спокойнее.

Уже недавно, когда в газетах и журналах то и дело появлялись фотографии Александра Лазарева и Светланы Немоляевой рядом с текстом о счастливой актерской и семейной жизни, возникло желание поговорить с артистами.

И вот мы сидим в гримерной Светланы Немоляевой. Хрупкая, изящная женщина. Даже непонятно, откуда в ней берется столько страсти для ее ролей. Александр Лазарев — высокий, импозантный, порывистый и доброжелательный человек. На днях Александру Сергеевичу исполнилось пятьдесят лет...

— Говорят, что в дни юбилеев юбиляры склонны предаваться раздумьям, вспоминать прошлое. О чем думали вы, Александр Сергеевич, когда вас чествовали, и вы, Светлана Владимировна, когда вы смотрели, как чествуют в переполненном зале Дома актера вашего мужа, такого знаменитого и любимого народом артиста?

А. ЛАЗАРЕВ: Мысли по поводу этого пятидесятилетия самые не юбилейные. Понимаешь, конечно, что тебе — пятьдесят. Это не шутка. Оглядываясь назад, на прожитые годы, но не столько на годы — что в нашей жизни годы? — оглядываешься на то, что ты сделал и чего тебе не удалось сделать. Что ты вообще значишь? Кто ты? Какое место занимаешь ты среди людей? Это естественные размышления. Хотелось бы (в искусстве это особенно важно), чтобы такого рода события были не только итогом пережитого, но и в какой-то мере точкой отсчета чего-то нового. На очень длительный период рассчитывать не приходится, но все-таки... Должна быть новая качественная ступень. Ну, поскольку наша профессия актерская, то самому решить эту проблему очень трудно. Тут нужно, чтобы тебе помогли. Режиссер, театр. Чтобы тебе дали работу. Можно, конечно, сказать: сам возьми... У меня есть текущая работа, но все-таки хочется еще больше работать, хочется репетировать серьезно. А в углу уютно. В пятьдесят лет энтузиазм все-таки не так часто посещает. Хочется плановой, крупной роли.

С. НЕМОЛЯЕВА: С театром связана и вся наша жизнь — вот мы пришли на сцену, нам было двадцать лет, потом тридцать, потом сорок, теперь вот пятьдесят. Лучшие силы отданы служению театру. Это приносит радость. Но ведь актер, актриса могут и не понравиться режиссеру и оказаться в том состоянии, которое радости не приносит. Все это сложно. Это Театр. Это река, это течение жизни, по которому ты плывешь в своем утлом челне, иногда он становится роскошным пароходом...

Почему мы решили отметить юбилей? Саша не хотел, он боялся, очень стеснялся... А мне очень хотелось. Хотелось, чтобы было празднично, потому что, кто знает, сколько отлучено судьбой, что будет впереди, а до этого все-таки было много замечательного...

А. ЛАЗАРЕВ: Разного было много! Театр настолько неоднозначен, что и не знаешь, чего было больше. Но все равно, это наше, это родное, это мы никому не отдадим!

С. НЕМОЛЯЕВА: Мы очень благодарны и нашему театру и Дому актера, который устроил прекрасный творческий вечер Саши, и тем людям, которые к нам пришли. Все говорят, это был очень искренний вечер.

А. ЛАЗАРЕВ: Я просто счастлив. С. НЕМОЛЯЕВА: Встретившись с нами во дворе, наш друг Гриша Горин обернулся и сказал: «Саша, я и не знал, что столько людей тебя любят!».

При всей сложности Сашиней судьбы — наверное, он много не сыграл, что хотел и на что имел право.

Что все-таки самое главное для актера? Три вещи: прежде всего драматургия, затем режиссер, который с тобой работает, и партнер. И если говорить про Сашину двадцать восемь лет службы в одном театре, то он, конечно, наделен очень счастливыми встречами. Прежде всего это Охлопков, который его взял в театр и часто давал играть...

А. ЛАЗАРЕВ: И позволял ошибаться! Сыграл плохо? Ничего. Получаешь следующую роль. Не очень хорошо? Получаешь третью. А иначе расти нельзя! На одном успехе не развивается артист.

С. НЕМОЛЯЕВА: Тогда Сашини роли были замечены. Интересные, разные... И вот второй замечательный режиссер — Андрей Александрович Гончаров, с кото-

рым сделаны самые, как мне кажется, интересные работы. Сужу и как коллега, и как его партнера, и как жена, прожившая двадцать восемь лет рядом с дома и в театре. С Гончаровым были сделаны роли в «Детях Ванюшина», «Человеке из Ламанчи», в спектаклях «Венсере-мос», «Неопубликованный репортаж». В этот же период Саша работал с Марией Осиповной Кнебель — хотя это режиссер не такого размаха и полета, как Гончаров. Была притягательна сама ее личность. Он с ней сделал совершенно ни на что не похожие, неординарные, очень занятные роли, например, в «Талантах и поклонниках».

В последний год была интересная встреча с Петром Фоменко.

А. ЛАЗАРЕВ: А Яшин, ты забыла? С. НЕМОЛЯЕВА: Этот режиссер, хотя уже много поставил, молодой, но будущее у него впереди. Это большой талант... Вот такие были встречи с режиссерами.

А. ЛАЗАРЕВ: И драматургия была достойная, хотя макулатуры тоже играл много. Ну а партнеры... Судите сами: Штраух, Толмазов, Евгений Самойлов, Ханов, с Марией Ивановной Бабановой в

КАК МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВ АРТИСТ

Народные артисты РСФСР
Светлана НЕМОЛЯЕВА
и Александр ЛАЗАРЕВ

двух спектаклях играл. А еще — Евгений Леонов, Армен Джигарханян, Татьяна Дороница, Толя Ромашин, Женя Лазарев... Много, много. Замечательные актеры. И у каждого ты что-то берешь, у каждого ты что-то для себя находишь, хороший партнер всегда обогащает.

— Считается, что мужу и жене лучше работать в разных областях или, по крайней мере, в разных местах. Когда вы вдвоем на сцене, как вы себя чувствуете? Все в порядке?

А. ЛАЗАРЕВ: Да кто его знает...

С. НЕМОЛЯЕВА: Нет, нет, не все благополучно. Мы и скандалим, и мешаем друг другу, но играть друг с другом мы любим.

А. ЛАЗАРЕВ: Мы очень трудно репетируем. Рядом с тобой самый близкий тебе человек, и ты видишь его недостатки, хочешь помочь и поэтому становишься навязчивым, назойливым, надоедливым. Но это от доброго... Зато потом, когда надо играть, мы уже работаем спокойно и даже хорошо.

С. НЕМОЛЯЕВА: И очень дорожим партнерством... Мы ведь раньше вместе редко играли. Очень долго основной партнершей Саши была Светлана Мизери, потом Таня Дороница.

А. ЛАЗАРЕВ: А у тебя — Армен Джигарханян.

С. НЕМОЛЯЕВА: Да. Вместе мы играли немного. Вот сейчас, в этот последний период почему-то стали больше вместе работать. И в театре, и в кино, и на телевидении...

— Существует выражение: «В зените славы». Обычно этот пик формы и зрительского признания, любви, благосклонности критики совпадает с определенным возрастом, с количеством сыгранных ролей. Отнюдь не желаю поместить вас в некую золоченую раму, но все-таки вы не обделены, как мне кажется, признанием. Что видится вам с высоты достигнутого?

А. ЛАЗАРЕВ: Очень важно удержаться на достигнутой высоте. Это в наше время сложно. Еще сложнее подняться еще выше. Переходишь к иным ролям — Ромео ведь уже никто не даст играть. Нужны серьезные, осмысленные, глубокие роли. Их надо получить. А сейчас, я наблюдаю, творится нечто странное. Достаточно что-то сделать неудачно, как тут же зачеркивается все сделанное тобой в прошлом. Так не должно быть. У актера могут быть и спады, могут быть неудачи, провалы. У самых знаменитых актеров, которые составили историю советского театра, в огромном числе сделанных ими ролей есть значительно меньше прекрасных — пальцев одной руки достаточно, чтобы перечислить. Скажем, Станиславский был прекраснейшим актером, но мы знаем двести его роли.

С. НЕМОЛЯЕВА: Ну, так уж и три...

А. ЛАЗАРЕВ: Конечно! Две-три. Ну, четыре. Ну, пять!.. Но не пятьдесят же! И так каждый актер. Раз ошибся — и все. «О, так это же, оказывается, плохой артист!». Почему плохой?! Ну завалил роль, но разве вы не видели, как он хорошо играл вот то-то. Ну, хорошо, меняется эс-

тетика, меняется время, меняется восприятие актеров, понятие об актерском мастерстве, методология воспитания. Это все естественно, все движется, все так и должно быть, и, конечно, надо быть гибким, стараться улавливать кожей время и подавать свое мастерство. Но кому-то это удается в большей степени, кому-то в меньшей... Если ты даровит, талантлив, артистичен, но сейчас ты не в струю, ты немножечко старомоден, но это же не значит, что ты стал бездарным и должен быть выброшен на свалку!

— Вы так взволнованно об этом говорите, что создается впечатление, будто бы вам уже бросили подобные упреки...

А. ЛАЗАРЕВ: Нет, что вы! Это я со стороны наблюдаю за тем, что происходит. Это, если хотите, мой комплекс, это меня очень волнует, не дает покоя. Но ведь это, наверное, неплохо, если ты еще чего-то опасался? Значит, живешь.

— Вы ведь тоже, Александр Сергеевич, «иногородний».

А. ЛАЗАРЕВ: Да, когда я приехал из Ленинграда и поступил в институт, помню, жили мы тогда на Трифоновке, этого общежития сейчас не существует. Построенные в 1914 году бараки для австрийских военнопленных санитарная комиссия нашла непригодными для жилья и сочла возможным отдать под общежитие Министерства культуры. И вот там — это было в пятьдесят девятом году — жили студенты всех театральных вузов Москвы...

— Тогда у вас еще, наверное, не брали интервью... Кстати, вас не раздражает пристальное внимание прессы к вашей семье? Известны многие актерские семьи, но ваша особенно.

А. ЛАЗАРЕВ: Сейчас немножечко схлынула волна, а одно время было очень много публикаций, и это очень раздражало. Начали приглашать в кино вдвоем — мужа и жену играть. В нескольких фильмах мы сыграли и, в общем, жалеем, что сыграли. Это были очень средние фильмы, и роли те нам не доставили никакого творческого удовлетворения. На телевидении, на радио, в концерты приглашают вдвоем. А интерес был такой, понимаете ли, зоологический. Журналисты нашли тему. И понеслось!..

— Вас не спрашивали, кто из вас в магазины ходит?

А. ЛАЗАРЕВ: Спрашивали, а как же... И кто полагает и какое хобби?

С. НЕМОЛЯЕВА: Очень многие приходили и спрашивали, как создается семья, давайте посмотрим, проанализируем, расскажем.

А. ЛАЗАРЕВ: А мы все старались увести разговор и говорить о работе, о театре. Ну что это за вопрос: «Кто в магазин ходит?» Ну, кому-то, может быть, и интересно, я не знаю... Мы все делаем сами, мы живем втроем, никакие бабушки и дедушки нам не помогают, дядя и тетя у нас нет. Мы сами ходим, мы сами варим, обедаем дома, в рестораны не ходим, с заднего хода магазины не посещаем. Вставать в вопросительный знак перед торговой сетью я не могу органически, я лучше втридорога куплю! Живем нормально, никаких «блатов» у нас особенных нет.

— Так уж у людей не укладывается в голове, что народный артист придет и купит четыреста граммов «Останкинской». Впрочем, вернемся лучше к театру.

А. ЛАЗАРЕВ: Охотно.

— Недавно театр имени В. Маяковского показывал на фестивале в Лондоне спектакль «Завтра была война», и он был признан лучшим. Каковы ваши, Александр Сергеевич, впечатления от этого фестиваля?

А. ЛАЗАРЕВ: Лондон сам по себе ошеломляет. Знаменитый английский театр... Интерес к нашей работе был огромный. Я не преувеличиваю — это буквально. Полные залы были, на последнем спектакле нас засыпали с колосников цветами, они специально это придумали. Потрясающее ощущение. Даже самые буржуазные, самые правые газеты писали о нас только хорошее. Большую долю успеха, конечно, принесла Ванесса Редгрейв, она синхронно переводила текст...

— Что же, она так хорошо знает русский язык?

— Нет, она специально готовилась, несколько раз видела спектакль, видела его в Москве, и там были репетиции, у нее был подстрочник. Она как актриса просто играла, она работала, она переживала вместе с нами. Она так шептала, что все плакали! Успех, я считаю, был настоящий, искренний. А фестиваль ведь очень представительный. Были и шведы, и западные немцы, и японцы. Крупнейшие режиссеры представили свои работы.

— Чем, по-вашему, был вызван этот успех — темой, которую поднимает спектакль, или же достоинствами самой постановки, оформления?

А. ЛАЗАРЕВ: Наш спектакль не несет внешних театральных новаций. Обычное реалистическое оформление: школа, парты, никто не ходит на ходулях, никто по сцене не бегает голый. Все нормально, обыденно, люди просто разговаривают. И, может быть, именно по такой форме английский зритель и соскучился. А с другой стороны, что, на мой взгляд, и самым главным является, — это проникновение в суть трагедийной темы, которая поднимается в этом спектакле. Практически зритель видит людей, которые все погибли. Молодые ребята, чистые, светлые люди... Это же страшно, понимаете? И это было попадание чисто человеческого, это вызывает боль в сердце, это передается от человека к человеку.